

**Алексей
Недозрелов**

Мифомоделирование в психологии и маркетинге

Алексей Недозрелов

**Мифомоделирование в
психологии и маркетинге**

«Accent Graphics communications»

2012

Недозрелов А.

Мифомоделирование в психологии и маркетинге /

А. Недозрелов — «Accent Graphics communications», 2012

Своей задачей Алексей Недозрелов видит помощь людям в успешной реализации своего глубинного потенциала в условиях современной цивилизации. Книга написана профессиональным и легким языком одновременно, что предоставляет одинаковое удовольствие от чтения как для специалистов, так и для всех, кто интересуется социальной и личностной психологией. В книге замечательно отражены различные аспекты работы с внутренними ресурсами психики от дыхательных психотехник и самогипноза до работы с глубинными процессами бессознательного. Раздел, посвященный маркетинговым коммуникациям, дает возможность профессионалу реализовать уникальные методики воздействия на мышление и чувства, выстраивая систему социальных и маркетинговых коммуникаций. Книга затрагивает стратегии поиска смысла, пути мобилизации личностного потенциала и пути решения психологических проблем, широко распространившихся в нашем обществе в качестве составных частей проблемы отсутствия смысла жизни. Автором предложена система мифомоделирования – формирования комфортной модели мира как для отдельной личности (в психологической практике), так и для целевых аудиторий и общества в целом (в социальных и маркетинговых коммуникациях). Рассматриваются варианты моделирования психических процессов и кодирования навыков и способностей, а также пути успешного достижения жизненных целей. Определяются способы интеграции процессов бессознательного для активации глубинных ресурсов тела и психики. Предложены практические рекомендации для решения задач психотерапевтического влияния и моделирования маркетинговых коммуникаций.

© Недозрелов А., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Введение	6
Часть 1	9
Матрица мифа: от саморегуляции до маркетинговых коммуникаций	10
Сущность мифа	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алексей Недозрелов

Мифомоделирование в психологии и маркетинге

«Слушаем ли мы со снисходительным интересом какого-нибудь конголезского колдуна с горящими глазами или читаем с изысканным восторгом утонченные переводы мистической поэзии Лао Цзы; пытаемся ли вникнуть в сложную аргументацию Фомы Аквинского или внезапно улавливаем удивительный смысл причудливой эскимосской сказки – всегда мы встречаем одну и ту же, изменчивую по форме, но все же на удивление постоянную историю и, вместе с тем, один и тот же вызывающе настойчивый намек на то, что неизведанное, где-то живущее в нас, много больше, чем когда-либо можно будет познать и поведать».

Джозеф Кэмпбелл

Введение

О чем эта книга

*«Есть великая Правда у тех, кем хранится Завет.
Но для тех, кто им стал, нет Завета, и Истины нет».*

С. Калугин

В последнее время все принято подвергать сомнению. Европейский рационализм приучил нас к научному скепсису, освободив от догматических норм, но разрушив волшебство и сакральность окружающего мира. В этом есть хорошая новость: теперь мы вольны создать для себя такой мир, какой душа пожелает – тот, который будет для нас максимально комфортен, и в котором мы будем наиболее успешны. Это вполне достижимо, ведь реальность, с которой мы имеем дело – лишь способ нашего мировосприятия, который создается с помощью фильтров внимания и приписываемых значений. Это ли не истинная магия – способность создавать прекраснейший из миров? Но для того, чтобы обрести эту способность, мы должны найти способ преодолеть бездну бессознательного, обрушившегося на нас после десакрализации изначально данной модели мира.

Как говорил в свое время Эйнштейн, *«стремись не к успеху, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл»*. Эти слова оказались не только мудрым наставлением, но и горьким пророчеством, предвидением того глубокого духовного кризиса, в котором оказалась современная цивилизация. Но в чем ее кризис и есть ли он?

Для ответа на этот вопрос окинем взглядом психологические проблемы, в невиданном прежде масштабе распространившиеся в современном обществе: депрессии, наркомания, всевозможные невротические расстройства... И дело не только в стремительном ускорении темпа жизни – это терпимо и вполне можно пережить, был бы смысл... Но смысл все чаще неоднозначен, а то и вовсе непостижим. Именно проблема отсутствия смысла жизни стала главным бичом современного общества.

Кто-то возразит, что проблема смысла была всегда. Кто-то усомнится, что эта проблема вообще существует. И те, и другие будут правы. Потому что смысл не является чем-то универсальным, и каждый выбирает свою стратегию индуцирования смысла – в соответствии со своими запросами.

Самый распространенный путь – принятие готовых рецептов и шаблонов, существующих в социальном пространстве. Здесь нет никаких трудностей, поскольку в массовой культуре всегда достаточно как простых и понятных формул для обретения смысла, так и способов надежно его избегать. И счастливы те, кто способен жить на этом смысловом уровне, поскольку они надежно защищены от многих психологических проблем, связанных с «усложнением системы». Но есть и обратная сторона – именно на этом уровне формируется новый цивилизационный тип личности – человек потребляющий.

Другой популярный путь – идентификация смысла с жизненными целями. Этот путь очень хорош и удобен тем, что способствует эффективному продвижению в социуме и позволяет максимально мобилизовать личностный потенциал, и не столь важно, что большинство целей опять-таки навязаны социумом, и человек действует, исходя из предложенных поведенческих шаблонов. По большому счету, этот путь мало чем отличается от первого, но таит дополнительную ловушку: как только очередная цель достигнута, она тут же должна быть заменена новой, и если вовремя не успеть «родить» новую цель, можно скатиться в глубокую депрессию. Но именно такой способ жизни оптимален для стимулирования сбыта в условиях тотального перепроизводства.

Впрочем, всегда есть люди, которым мало профанных смыслов. И если их не удовлетворяют те способы жизни, которые лежат на поверхности, социум предлагает глубокие философско-религиозные системы, включающих в себя комплексы психотехник и технологий саморегуляции. Это путь истинной и глубокой реализации в религии, защищающий от многих психологических проблем, дающий глубинную силу и интегрирующий личность. Но есть люди, которым мало и этого.

Есть люди, которые не могут принять существующие социальные модели, как минимум потому, что не могут в них поверить, и как максимум – потому что могут создавать подобные модели самостоятельно. Но даже в собственную модель зачастую трудно поверить, если есть осознание, что она такая же иллюзорная, как и те, что предложены социумом, и ее можно с легкостью заменить на другую. Эти люди находятся в постоянном поиске, и именно для них будет особенно актуальна предложенная нами система мифомоделирования как комплексная психологическая модель, ориентированная на формирование наиболее эффективной системы мировосприятия и, что особенно важно, наделение ее сакральным смыслом. Дополнительным «бонусом» этой модели является формирование системы работы с глубинными ресурсами бессознательного, позволяющей мобилизовать внутренние ресурсы тела и психики для достижения поставленных целей и улучшения качества жизни.

Впрочем, это не единственный аспект практического применения мифомоделирования как системы. Ведь, как известно, если мы сами не формируем свою модель мира, ее формируют за нас, встраивая определенные ценности, убеждения и поведенческие шаблоны. С технологической точки зрения, для нас не слишком принципиально, чью модель мира мы формируем – свою собственную, или, к примеру, целевой аудитории. Это обуславливает актуальность принципов мифомоделирования в технологиях рекламы и маркетинга.

В первой части книги мы определим понятие мифа и его функции в нашей жизни, введем основные понятия и дадим общее описание мифомоделирования как системы.

Во второй части мы рассмотрим мифомоделирование как систему моделирования психических процессов. Что под этим подразумевается? Предположим, два человека занимаются одним и тем же делом, но один из них в своем деле успешен, а второй – нет. В чем их отличие, что они делают по-разному? Очень часто причина не в том, что они делают разные действия – внешне их действия могут казаться почти одинаковыми. Причина значительно глубже, и именно она определяет внешнее поведение.

Часто причина в том, что люди по-разному структурируют свой жизненный опыт, по-разному «кодируют» в нем свои навыки и способности, по-разному определяют свои ценно-

сти и свою идентичность, из чего неизбежно следует разница в поведении. Для нас важно то, что мы можем выявить способ успешного «кодирования» навыка в структуре субъективного опыта и выстроить на его основе свою собственную модель, которая позволит и нам действовать более успешно. В данном разделе мы не только рассмотрим, каким образом мифомоделирование может помочь в моделировании психических процессов, но и дадим общий обзор систем моделирования, составляющих его основу: НЛП, дающее инструментарий для описания и структурирования психических процессов, и системное моделирование, позволяющее проследить комплексные системы взаимосвязей.

В третьей части книги мифомоделирование представлено как интегрированная модель работы с ресурсами бессознательного: мы рассмотрим основные способы получения доступа к глубинным ресурсам тела и психики и свяжем их в единую комплексную систему.

И, наконец, в четвертой части мы разберем основные принципы применения мифомоделирования в маркетинговых коммуникациях, позволяющих адаптировать рекламное сообщение к тому способу мировосприятия, которое максимально близко целевой аудитории.

Зачем это нужно «нормальному» человеку? Предположим, с применением мифомоделирования в рекламе и маркетинге вопросов нет – мало кто спрашивает, для чего нужно оказывать влияние на других людей. Но не являются ли психотерапевтические аспекты мифомоделирования излишним усложнением? Ответ на этот вопрос напрямую зависит от той категории смысла, которая актуальна для каждого отдельно взятого индивида. И мы не можем навязывать человеку те смыслы, потребности в которых он не испытывает.

Однако, как считает ведущий в России специалист по интегративной психологии профессор В.В. Козлов, один из важнейших критериев реализованности личности – способность презентовать свою модель мира. Или, как говорил Л.Н. Толстой, *«При наличии смерти нужно либо добровольно покинуть жизнь, либо переменить ее, найти в ней тот смысл, который не уничтожился бы смертью»*.

Часть 1

Мифология в нашей жизни

В этом разделе мы рассмотрим природу и сущность мифа, введем основные понятия и дадим комплексное описание системы мифомоделирования.

Матрица мифа: от саморегуляции до маркетинговых коммуникаций

Человеческая экзистенция крайне загадочна, что, впрочем, не являет собой ничего нового. Загадочна тем, что для оправдания человеческого существования (или для придания ему смысла, что представляется одним и тем же) само существование облачается в форму загадки, которая требует быть разрешенной. В данный момент для нас не так актуально, реально ли полное разрешение этой загадки, для нас важно другое – что она из себя представляет. И здесь мы выходим к следующему утверждению: человеческое существование, равно как и загадка этого существования, есть миф.

Существование человека можно назвать множественным мифом, поскольку мифологичен образ, с которым он себя идентифицирует, и мифологичны образы, с которыми его идентифицируют окружающие. Единственное, что остается от человека, когда исчезает миф – биомасса с набором характеристик, которые могут описать физики и биологи.

В идее мифологичности человеческого мышления нет ничего нового – этот вопрос поднимался плеядой ученых разных мастей от Юнга до Кемпбэлла. *«То, чем мы представляемся нашему внутреннему взору, и то, что есть человек sub specie aeternitatis (с точки зрения вечности. – лат.), может быть выражено только через миф. Миф более индивидуален и отражает жизнь более точно, нежели наука»*¹. Мы поднимаем другой вопрос: существует ли в мышлении человека что-либо кроме мифа? И также нас очень интересует, как это можно использовать.

Безусловно, в начале имеет смысл определить, что есть миф. Для простоты используем определение Ролана Барта: *«Что такое миф в наше время? Для начала я отвечу на этот вопрос очень просто и в полном соответствии с этимологией: МИФ – ЭТО СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ»*².

В этом смысле любая аффирмация, любая рефлексия, любое утверждение или установка является процессом мифотворчества. Здесь форма мифа – это форма, удобная для кодировки и распознавания окружающей действительности, позволяющая определять реальность и оперировать ей. Окружающий мир сам по себе – груда материальных объектов, и задача человека – сделать этот мир волшебным. Миф придает смысл и характер реальности, для того чтобы скрыть и заполнить ее абсурдность. Потому что только волшебный мир имеет право на существование.

Человек склонен страдать от потери смысла. Немного изменим формулировку: человек склонен страдать от несбалансированности модели мира, от нестыковки или несвоевременности личных мифологем. *«...Однако, наиболее поразительны откровения, пришедшие к нам из психиатрических клиник. Смелые и поистине эпохальные работы психоаналитиков незаменимы для изучающего мифологию; ибо, как бы мы ни оспаривали детали их подчас противоречивых толкований, ...логика мифа, его герои и их деяния актуальны и по сей день. В отсутствии общезначимой мифологии каждый из нас имеет свой собственный, непризнанный, рудиментарный, но тем не менее подспудно действующий пантеон сновидений. Новейшие воплощения Эдипа и персонажи нескончаемой любовной истории Красавицы и Чудовища стоят сегодня на углу Сорок второй стрит и Пятой авеню, ожидая, когда поменяется сигнал светофора»*³. И вполне может статься, что проблем, которые не были бы с этим связаны, попросту не существует, впрочем, подробный анализ данного вопроса требует отдельного исследования. Хотя именно на такой вывод наводят эксперименты Станислава Грофа, наглядно показав-

¹ Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Мн., «Харвест», 2003.

² Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., «Прогресс», 1994.

³ Кемпбэлл Дж. Тысячеликий герой. М., «АСТ», 1997

шие взаимосвязь базовых мифологем, перинатальных матриц и психологических комплексов. Для нас важна сама возможность использовать миф как основу комфортного существования и психологической устойчивости. Собственно, такую попытку делает сказкотерапия: *«Человек слушает сказку, и происходит Чудо: черты его лица разглаживаются, куда-то уходит суета, а ощущения покоя и расслабления как будто укутывают его мягким одеялом...»*⁴

Итак, выводим базовый тезис: *миф – это процесс структурирования внутренней и внешней реальности, который позволяет создать комфортную модель мира.* Миф предполагает заведомые способы поведения в тех или иных ситуациях и конкретные рецепты решения проблем. Собственно, именно так можно истолковать содержание эпических мифов (в то время как функция структурирования модели мира скорее подходит космогоническим и эсхатологическим мифам). Совокупность приемлемых для данного индивида рецептов решения задач и моделей поведения можно рассматривать как архетипичность. В этом отношении миф можно рассматривать как основу архетипичности, а также как основу поведенческих и коммуникативных стратегий. Кроме того, здесь же миф выступает в качестве основы системы ценностей.

В этих изысканиях можно шагнуть значительно дальше – можно рассматривать миф как основу сценария человеческой жизни. Ведь выбирая приемлемые формы поведения и взаимодействия с окружающей действительностью, человек выбирает также приемлемые формы реальности и сюжетные линии, позволяющие реализовать эти формы. Здесь миф выступает не только как способ организации жизни, но и как способ формирования мира вокруг себя.

Продолжая тему структурирования модели мира, можно рассмотреть миф как основу систем саморегуляции: например, для улучшения самочувствия кто-то выбирает йогу, кто-то – помощь знахарки, а кто-то останавливается на антидепрессантах. Выбор обусловлен архетипичностью. Это же можно отнести к архаическим психотехникам и традиционным системам саморегуляции от шаманизма до даосской алхимии: они все сотканы из мифов. Интересно отметить психотерапевтический эффект мифа самого по себе: чтение Библии или Старшей Эдды (вопрос, опять же, архетипичности) неизбежно связано с измененными состояниями сознания, которые в крайних проявлениях сравнимы с мистическим экстазом. Конечно, можно сказать, что это эффект трансовых методик индуцирования альтернативных реальностей, но всем известно ощущение кристальной ясности бытия, возникающее как результат структуризации и прояснения модели мира и по степени интенсивности способное граничить с эйфорией.

Являясь основой поведенческих и коммуникативных стратегий, миф проявляет свою социальную функцию, выступая как основа сплоченности коллектива – социальные роли и нормы поведения также мифологичны. Мифологичны все социальные процессы, вплоть до маркетинговых коммуникаций: бренд – это в первую очередь миф, реклама – способ создания мифа. Человек выбирает те бренды, которые импонируют его модели мира, что означает, что мифологема бренда совпала с личной мифологемой индивида, стыкуется с его моделью мира.

Таким образом, миф можно рассматривать как базовую модель повседневной реальности, матрицу окружающей действительности. Это невольно наводит на сравнение с идеей универсалий в схоластике, теорией Сновидения Минделла и архитипической реальностью Грофа: *«Эти переживания свидетельствуют о существовании множества измерений реальности, которые не являются частью феноменального мира нашей повседневной жизни. Они представляют собой иные типы и уровни эмпирических реальностей и, если провести аналогию с миром современной электроники, иные «космические каналы». ... Если мы принимаем существование высшего принципа, или начала, имеющего в своем распоряжении технологию сознания и способного порождать переживания, то представляется вполне возможным, что этот принцип может творить реальности со множеством различных характеристик. Здесь*

⁴ Гнездилов А.В. Терапевтические сказки. Мелодии дождя на петербургских крышах. СПб, «Речь», 2003.

можно провести параллель с задачей съёмочной группы, используя существующую технологию, выпускать фильмы или программы на темы не из повседневной жизни, а из мифологии»⁵.

Остается главный вопрос: как это можно использовать? Если жизнь человека является проекцией ее мифологической модели, представляется резонным для улучшения качества жизни улучшать и саму модель. Люди привыкли соблюдать гигиену тела, не так редко встречаются мысли о гигиене души, так почему бы не соблюдать гигиену мифа? Возможно, в отношении к мифу понятие гигиены будет не совсем точным или, скорее, не полным. В дополнение можно привести метафору коллекционирования: как увлеченный коллекционер собирает свою коллекцию, оформляет ее, дополняет, подбирает каждую мелочь... Почему бы не отнестись также к своей мифологической матрице, подбирая новые сюжеты, формы и образы, совершенствуя и шлифуя их? Представляется перспективной разработка методики моделирования мифологической матрицы, структурально гармонизирующей все сферы жизни, разработка системы и методов для смены мифологем и, насколько это возможно, архетипичности, стратегий разрыва «застревания» в сюжетах и смены навязчивых образов. Возможно, реально создание некоего мифологического (по примеру нейролингвистического) программирования. Об актуальности разработки системы мифомоделирования в маркетинговых коммуникациях говорить, наверное, излишне.

В рамках общей мифологической матрицы можно выделить основные функции мифа:

- Миф как основа модели мира
- Миф как основа архетипичности
- Миф как основа поведенческих и коммуникативных стратегий
- Миф как основа системы ценностей
- Миф как основа сценария жизни
- Миф как основа стратегий обучения
- Миф как способ формирования мира вокруг себя
- Миф как основа систем и стратегий саморегуляции
- Миф как основа маркетинговых коммуникаций
- Миф как основа социальной стабильности и сплоченности коллектива.

Временами приходят фантазии: а что, если бы было возможно менять личные мифологемы, базовые архетипы и доминирующие сюжетные линии просто так, с той легкостью, с которой мы меняем перчатки... Насколько доступнее стали бы наши цели, как изменилось бы качество жизни? И что, если подобные переключатели находятся совсем близко, и наша задача – лишь протянуть руку и нащупать их в темноте?

⁵ Гроф С. Космическая игра: Исследование рубежей человеческого сознания. М., «АСТ», 2004

Сущность мифа

Начиная разговор о мифомоделировании, будет нелишним определиться с самим понятием мифа. Что есть миф? Какова его природа? Что представляет собой мифическая реальность и какова ее функция? Чтобы ответить на эти вопросы и исключить возможность терминологических разногласий, самым уместным будет обратиться к фундаментальным исследованиям классиков семиологии и сравнительной мифологии.

Первый вопрос, который перед нами возникает – это вопрос о сущности мифа. Собственно, что такое миф? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно предварительно четко определить, чем миф не является.

Бытует расхожее мнение, что миф – это выдумка, фикция, фантазия; нечто несуществующее и нереальное. Это категорическое заблуждение. Очень хорошо выразился по этому поводу А.Ф. Лосев: *«Разумеется, мифология есть выдумка. Если применить к ней точку зрения науки, да и то не всякой, но лишь той, которая характерна для узкого круга ученых новоевропейской истории последних двух-трех столетий. А с точки зрения самого мифического сознания совершенно нельзя сказать, что миф есть фикция или игра фантазии. ...Когда некоторые племена имеют обычай одевать на себя ожерелье из зубов крокодила для избежания опасности утонуть при переплывании больших рек; когда религиозный фанатизм доходит до самоистязания и даже до самосожжения – то весьма невежественно было бы утверждать, что действующие тут мифические возбудители есть не больше, как только выдумка. Нужно быть до последней степени близоруким в науке, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по степени конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли жизни, далекая от всякой случайности и произвола»*⁶.

В некотором смысле миф может быть даже более реален, конкретен и осязаем, чем ортодоксальная наука: *«А я, по грехам своим, никак не могу взять в толк: как это земля может двигаться? Учебники читал, когда-то хотел сам быть астрономом, даже женился на астрономке. Но вот до сих пор не могу себя убедить, что земля движется и что неба никакого нет. Какие-то там маятники да отклонения чего-то куда-то, какие-то параллаксы... Неубедительно. Просто жидковато как-то. Тут вопрос о целой земле идет, а вы какие-то маятники качаете.*

...Некоторые представители науки даже любили и любят щеголять таким рассуждением: я доказал вот эту теорему, а соответствует ли ей что-нибудь реальное, или она есть порождение моего субъективного мозга – это меня не касается. Совершенно противоположна этому точка зрения мифического сознания. Миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая – категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная и максимально конкретная реальность»⁷.

Любая наука мифологична. Декарт – основатель европейского рационализма – начинает свою философию и методологию с всеобъемлющего сомнения, впервые открыто сомневаясь во всем, включая Бога. Единственную опору, единственную неопровержимую точку отсчета он находит в сознании, постулируя формулу «мысль – следовательно, существую». Но почему менее реальны вещи, окружающий мир, Бог или что-то иное? Исключительно потому, что такова мифология Декарта. Ньютон создал модель мира, дающую механистическое обоснова-

⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001. стр. 36

⁷ стр. 45.

ние и объяснение всем протекающим в нем процессам. Но и эта модель построена на мифологии – мифологии рационального нигилизма, придающей рациональность и упорядоченность механическому взаимодействию материальных тел. Даже атом мифологичен: ведь если он материален, то он имеет объем и форму, которую можно измерить, и следовательно, он делим. В противном случае это означает, что он не имеет пространственной формы. *«Если же он неделим, это означает, что он не имеет пространственной формы, а тогда я отказываюсь понимать, что такое этот атом материи, который нематериален. ...Всякому здравомыслящему ясно, что дерево есть дерево, а не какая-то невидимая и почти несущественная пыль неизвестно чего»*⁸.

И если кто-то говорит, что наука разрушает миф, то это означает лишь то, что одна мифология борется с другой мифологией.

Более того, миф не есть абстрактное бытие, существующее на уровне неких ментальных конструкций. Миф предельно насыщен, конкретен и осязаем, поскольку в его основе всегда лежат жизненные потребности или стремления. Природу мифа составляют не мыслительные усилия, а вещественная реальность и ощутимая, телесная, животная действительность. Как писал Голосовкер: *«Мы увидим в логике мифа нечто чрезвычайно любопытное и двойственное: мы увидим явно «абсолютную логику», но построенную скрыто на основе «логики относительности» и при этом в конкретных телесных образах... Мы видим, что воображаемый, имажинативный мир мифа обладает часто большей жизненностью, чем мир физически данный, подобно тому, как герой иного романа бывает для нас более жизненным и конкретным, чем иное, когда-то жившее историческое лицо. ...Мы можем сказать, что миф... есть запечатленное в образах познание мира во всем великолепии, ужасе и двусмыслии его тайн»*.

Да, в мифическом мире часто встречаются явления фантастические, опровергающие «научные» знания о реальности – оборотничество, смерть и воскресение, всевозможные магические феномены. Но все это – факты не искажения бытия, а его переосмысления; все эти фантастические явления основаны на, по сути, психотерапевтическом процессе структурирования в субъективной реальности явлений максимальной значимости и максимальной напряженности бытия. Речь идет не о внебытийности, а о судьбе бытийности, определяющейся через различные грани реальности.

Здесь можно наткнуться на, казалось бы, явное противоречие: как миф может быть чем-то конкретным и телесным, если в нем часто встречается масса фантастических элементов и противоречий, если миф по определению не логичен? Это очередная иллюзия. Миф логичен. Другое дело, что логика у него своя – логика мифа. Этот вопрос подробно исследовал Я.Э. Голосовкер: *«Мышление идеями и само порождение идей есть деятельность воображения. Мышление образами как деятельность воображения есть одновременно мышление смыслами. В так называемом мифологическом мышлении это дано обнаженно: там образ есть смысл и значение. Там миф есть, так сказать, воплощенная теория: древние космогонии и теогонии суть такие теории – описание и генеалогическое объяснение мира. ...Жизнь героя и всех связанных с ним существ протекала в мифах не одной, а многими жизнями в самых разнообразных комбинациях, вплоть до смерти героя, всем по-разному ведомой и в конце концов часто вовсе неведомой. ...И тем не менее во всем этом смысловом хаосе, созданном веками, есть своя логика и законы этой логики, знание которых может помочь нам не только понять, но и упорядочить и реконструировать древние, уже затерянные мифы. ... Если мы зададимся целью раскрыть воображение с его познавательной стороны, то есть дать гносеологию воображения или же «имажинативную гносеологию», мы неминуемо придем к проблеме логики воображе-*

⁸ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2001

ния, которая и будет в данном случае энигматической логикой»⁹. Именно это "энигматическое знание" – знание, которое всецело обязано воображению – составляет основу логики мифа.

Миф различает (или может различать) истинное от кажущегося. Это становится очевидным, если обратить внимание на процессы, когда одна мифология вытесняет другую – всегда посредством оценки (и, как правило, отрицания) ее истинности. Но осуществляется это не научным, а чисто мифологическим путем на основании мифологических же критериев (какими бы научными они иной раз не казались).

Часто миф считают метафизическим, сказочным построением, чем-то нереальным и иллюзорным, противостоящим «реальной» действительности. Предположим, что миф – сказка. Для кого? Для того, кто живет этим мифом? Ничуть не бывало. Для мифического сознания миф вовсе не является ни чем-то сказочным, ни чем-то трансцендентным. Напротив, миф – самое реальное, чувственное и живое бытие. Не является миф и какой-либо метафизикой – если метафизика пытается дать какое-либо наукообразное описание надчувственного, потустороннего бытия, то миф ни в коей мере не стремится ни к научности, ни к трансцендентности; напротив, он дает предельно чувственное, жизненное отношение к окружающему. Миф поражает своей телесностью, зримостью и осязаемостью. Впрочем, это не мешает появляться на мифологической почве всевозможным философским и метафизическим конструкциям. Достаточно вспомнить «причащение плоти и крови», чтобы убедиться, что даже предельно возвышенная и духовная мифология оперирует чувственными образами.

Впрочем, есть в мифе и некая отрешенность, оторванность от «реальной» действительности – и именно благодаря ей действительность обретает смысл, краски и чувственность. Пока в действительности нет мифа, она скучна, сера и бессмысленна. В этом и кроется глубинная психотерапевтическая сущность мифа – наделение смыслом окружающей действительности и интеграция этого смысла в структуру субъективного опыта каждого отдельного индивида.

При этом мифологическая реальность может иметь несколько слоев символизма: так, герои эсхатологических мифов могут олицетворять на одном уровне символизма самих себя, совершенно чувственных и конкретных людей, так и – на других уровнях символизма – мировые судьбы или космогонические процессы.

Мы не можем воспринимать действительность без мифа. Замечая какой-либо объект, мы видим его цвет. С точки зрения физики, цвет – всего лишь характеристика преломления световых волн в данном объекте. Но нам плевать на световые волны. Мы видим цвет, и каждый цвет имеет для нас особенное, мифологическое значение, наделяя реальность смыслом, которого в ней изначально не было. То же самое можно сказать и про форму объекта. Это ставит под большой вопрос сам факт существования объективной реальности – если мы не можем воспринимать реальность одинаково (а нет никакой гарантии, что мы будем присваивать одни и те же – или хотя бы схожие – значения одним и тем же цветам, формам, явлениям и т.п.), то откуда вообще взяться этой объективности? В этом отношении объективность реальности определяется лишь схожестью наших мифов.

Миф диалектичен – с одной стороны, он дает предельно живое и чувственное описание и понимание реальности, но, с другой стороны, разделяет ее на несколько слоев, несколько символических уровней, создавая напряжение между реальностью «объективной» и мифологической. Именно это напряжение, по сути, создает энергетический заряд, позволяющий сделать мир волшебным, увидеть волшебство и осмысленность в простых и банальных объектах действительности.

Здесь мы выходим на следующее сущностное определение мифа – миф есть чудо. При этом чудо есть не просто проявление или вмешательство высших сил – чудо твориться непрерывно. Более того: не-чудесного в мифе принципиально не существует. Но если нет ничего,

⁹ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987.

кроме чуда, то что же тогда является чудом? Именно здесь раскрывается волшебная сущность мифа, который позволяет связать повседневно-бытовые явления с чем-то высшим, волшебным, чудесным. Пожалуй, это и есть главная функция мифа – наделение повседневности чудесными свойствами, выстраивание взаимосвязей между волшебством и обыденностью. Здесь же таится ответ, что есть чудо – чудо суть проявление волшебства в повседневности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.